

— ГЛЕН КУК —

— ГЛЕН КУК —

КОВАРНОЕ БРОНЗОВОЕ
ТЩЕСЛАВИЕ

АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44
К89

Серия «Гаррет»

Glen Cook

WICKED BRONZE AMBITION

Перевод с английского *К.С. Егоровой*

Компьютерный дизайн *В.И. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera Ltd.

Кук, Глен.

К89 Коварное бронзовое тщеславие : [фантастический роман] / Глен Кук ; [пер. с англ. К. С. Егоровой]. — Москва : АСТ, 2015. — 448 с. — (Гаррет).

ISBN 978-5-17-083681-9

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии.

Но Гаррета, наконец-то нашедшего свою истинную любовь и, похоже, обретшего прочное положение в обществе Танфера, ждет невероятно жестокое потрясение — его невеста убита накануне свадьбы.

Кто это сделал?

Кому могла перейти дорогу очаровательная девушка — всеобщая любимица? Выследить злодеев — долг чести для Гаррета, и он не успокоится, покауда не совершит возмездие.

И это — действительно ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ Гаррета.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

© Glen Cook, 2013
© Перевод. К.С. Егорова, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-083681-9

1

— Любовь засасывает.

— Если ты вампир. — Сбросив покрывала, Страфа нырнула к стратегической точке на моей шее. При одной угрозе щекотки я перехожу в психованный защитный режим.

Страфа со смехом отскочила и села, в ее глазах цвета портера блеснули золотые искры. Честное предупреждение! Беги, Гаррет, беги! Спасай свой разум!

— Ты голая, — сообщил я, будучи опытным наблюдателем.

— В постели я всегда голая.

— Знаю. Но теперь я официально это заметил.

— Ах ты, развратник! Я вижу, как много ты заметил. Это все в мою честь?

Крякнув, я попытался натянуть на себя простыню.

— Потому-то я это и делаю, — рассмеялась она.

Точно. Чтобы я заметил. И все закрутилось. Настоящим дьяволицам, безусловно, идет отсутствие одежды.

Страфа настолько близка к идеальной женщине, насколько может себе представить этот потрепанный жизнью бывший морской пехотинец. Она красива. Неизменно весела. Готова на любую авантюру. С ней мне весело. Вокруг нее — тоже. Она даже богата. Чего еще может пожелать мужчина?

Ну, например, более приятных родственников.

Страфа Альгарда богата, потому что она — Бегущая По Ветру, Поток Яростного Света, одна из главных ча-

родеек Танфера. Она обладает колоссальным, ужасным могуществом, которое ее практически не интересует. Что до членов семьи Страфы... Это другое дело. Совершенно другое. Все они — странные, зловещие личности. И я вот-вот вольюсь в их ряды.

Я кинулся вперед, щекоча Страфу. Она залилась смехом.

— Отвлекай меня, сколько душе угодно, но нам все равно придется навестить бабушку.

— Я задержу тебя тут на весь день.

— Хвастун. Прибереги свою прыть до завтра. А сейчас...

Сейчас время почти вышло. И даже Поток Яростного Света не отваживалась заставить ждать Метательницу Теней, поэтому вскоре мы уже начали бесконечный, но слишком короткий подъем длиной в два квартала к дому Бабули.

2

Дверь нам открыла дочь Страфы, Кивенс. Кивенс очень похожа на отца. Не стройная и красивая, как мать. И рядом с матерью эта шестнадцатилетняя девчонка ведет себя как пятидесятилетняя матрона.

— Мама! Вы двое хуже хорьков в клетке. Вы *старые!* Нельзя хотя бы сделать вид, что вы ведете себя прилично?

Определение слова «старый» зависит от точки зрения. Страфе тридцать один, что подразумевает любопытную математику поколений. Я не обращаю на это внимания. Я не обращаю внимания на странности Альгард до той степени, до которой они мне это позволяют.

Я держал рот на замке. Стоит хоть пальцем влезть в спор между дочкой и мамой, как тебе оторвут всю руку, поколотят ею и заставят съесть.

Да. Семья была обратной стороной помолвки с самой чудесной, изумительной, очаровательной и любящей женщиной в мире. Родственники непременно шли в комплекте.

Мы с Кивенс неплохо ладим, когда ее матери нет поблизости. Когда рядом нет Кивенс и Страфы, я неплохо лажу с их отцом. Барат — умный мужик. Он всерьез считает, что я — лучшее, что могло случиться со Страфой; правда, так было не всегда.

С бабушкой, Метательницей Теней, не ладит никто.

Она трудится над своей репутацией, не покладая рук. Однако меня уверяют, что она обо мне хорошего мнения. Насколько это вообще возможно, с учетом того, что она Метательница Теней. Самое главное мое достоинство заключается в том, что я хочу превратить ее засидевшуюся в девках внучку в честную женщину.

— В каком она настроении?.. — спросила Страфа Кивенс. — Ну конечно. Как обычно. Глупый вопрос.

— В плохом. Но не из-за нас, в кои-то веки.

Подобно большинству наиболее свирепых пользователей магии, живших на Холме, Констанция Альгарда, также известная как Метательница Теней, обитала в огромном, мрачном, темном особняке, выглядящем так, словно даже упыри и кладбищенские призраки покинули его более двухсот лет назад. Чердак мрачных жильцов снабдила особняк дурными запахами, жуткой пылью, пауками и паутиной, а также кучами всевозможного мусора. Метательница Теней не славилась своей хозяйственностью. И ничуть не напоминала низенькую, толстенькую, розовощекую бабулю.

На самом деле большинство запахов существовало только в моем воображении, но Метательница Теней закрепила их там — с широкой, мерзкой, злобной ухмылкой. В качестве напоминания, сказала она, не уточнив, что имеет в виду. В ее доме я постоянно ощущал вонь гниющей плоти. Стены словно сочились ею.

Никто больше ее не чувствовал.

— Она так поступает, потому что ей не все равно, — объяснила Страфа. — Спорим, она уберет запах после свадьбы?

Ее огромные голубые глаза лучились оптимизмом самообмана.

Я пожал плечами и смирился. Такова цена билета в рай.

Кивенс велела нам следовать за ней и ныла всю дорогу к комнате, где ждала Метательница Теней. Только там на лице девчонки мелькнула искренняя улыбка.

Кивенс любит бабушку, хотя я ни разу не слышал от нее доброго слова о старой карге.

3

Я вздрогнул. Страфа пискнула. Она тоже удивилась.

Метательница Теней была не одна.

Я ни разу не заходил в эту комнату. Она оказалась просторной, удобной и наиболее цивилизованной из всех, что я до сих пор видел в личной преисподней Метательницы. Ни одного орудия пытки, ни одной жертвы. Богатые ковры и гобелены, большие, удивительно уютные кресла, массивная мебель. Огонь восторженно ревел в камине за спиной Бабули, которая пребывала уже в том возрасте, когда веришь, что тебе все время холодно. Пара слуг в ливреях обслуживала гостей. Я узнал Барата, моего будущего тестя, наполовину утонувшего в гигантском кресле. Когда мы вошли, он подносил к губам чашку из костяного фарфора.

Его отношения с матерью были не менее запутаны, чем отношения Кивенс со Страфой. Каждое движение Барата выражало насмешку над необычным стремлением матушки к соблюдению приличий.

В комнате находились еще три человека. Все старше меня. Двое — старше Барата, а может, и самой Метательницы Теней. Я их не знал. В отличие от Страфы, которая тихо, изумленно ахнула.

— Это хорошо или плохо? — прошептал я.

Ее дрожащая правая рука скользнула в мою левую.

— Все вместе.

Поджарый лысеющий мужчина шести футов ростом стоял в паре шагов слева от Метательницы Теней. В руке он тоже держал фарфоровую чашку. Аристократическая внешность, но одежда повседневная. Такой не привлечет внимания на улице.

Неподалеку, словно ища у него поддержки, но стараясь не проявлять интереса, расположилась женщина, которой давно перевалило за тридцать, несмотря на все ее высокохудожественные усилия это опровергнуть. Высокая и тощая, почти костлявая, также облаченная в неброский, но явно дорогой наряд. Я сразу подумал, что на голове у нее должен быть седой ежик, а не развевающиеся во все стороны света каштановые кудри.

Последний гость устроился в таком же кресле, как и Барат, в нескольких футах от Альгарды. В отличие от прочих, он явно чувствовал себя на своем месте.

Друг семьи.

Разглядеть подробности я не успел, потому что Метательница Теней начала действовать.

Уродливая старая переноска наводила ужас одним своим присутствием, сидя за массивным дубовым столом длиной восемь и шириной четыре фута. Ее вес составлял около трех сотен фунтов, а рост, в тех редких случаях, когда она действительно стояла, — всего пять футов три дюйма. Перемещалась старуха при помощи целого флота всевозможных инвалидных кресел. Страфа говорила, что, сколько себя помнит, Бабуля никогда не могла стоять, поддерживая свой вес дольше нескольких минут. Но Констанции Альгарде и не требовалось быть балериной. Она являлась Метательницей Теней, одной из темнейших и могущественнейших ныне живущих чародейки Каренты.

Ходили слухи, что она всегда ест в одиночестве. Лично я ни разу не видел ее жующей, но старуха продолжала становиться все толще.

Огромный, широкий рот Метательницы Теней растянулся в подобии улыбки. Она бросила на меня откровенно кокетливый взгляд. Моя утроба взбунтовалась. Утроба. Класное словечко. Нечасто приходит на ум.

— Бабушка, веди себя прилично, — прорычала моя возлюбленная. — Отец, будь любезен, объясни, что здесь происходит. Вы вытащили бедного Гаррета из постели за-долго до полудня. Сам знаешь, как это на него действует.

Говорить будет Барат. Его матери это нравилось. Эффект получался еще более зловещим.

Он выпрямился и соскользнул на край кресла. Вытянул в сторону поджарого лысого мужчины правую руку ладонью вверх.

— Рихт Хаузер.

— Рич? — уточнил я. Мужчина больше напоминал Неда или Ньюта.

— Рихт. — Барат выделил голосом последнюю согласную. — Хаузер.

С буквой «з», как в слове «запонки», а не «собака».

Страфа стиснула мою левую ладонь двумя своими. Мне следовало впечатлиться и, возможно, немного испугаться.

Рихт Хаузер не счел нужным даже кивнуть. Это многое сказало о его самомнении — он считал себя самым важным человеком в комнате.

Затем Барат показал на женщину.

— Леди Тара Чейн Махткесс.

Кажется, это имя я где-то слышал, по крайней мере ту его часть, что связана с Махткесс. Дама наклонила голову в ответ на мой поклон, на ее лице, под суженными, расчетливыми глазами, мелькнула слабая улыбка. Я почуял хищника. Под чьей шкурой скрывалось что-то вроде маленькой напуганной девочки.

Барат поднял левую руку. Показал на мужчину в соседнем кресле.

— Киога Сторнс. Часто мешается тут под ногами, потому что мы с ним с детства лучшие друзья. Но на этот раз он явился, поскольку имеет свой интерес в игре.

Это имя я знал. О юношеских приключениях Барата и Киоги ходили семейные легенды. Сейчас Киога больше напоминал жертву, а не мастера злонамеренных проказ.

Расплата за грехи?

Метательница Теней нетерпеливо пошевелилась.

— Да, мама. Гаррет, нам нужны твои ресурсы и опыт.

Потрясающая вежливость. Однако этих людей я не мог послать куда подальше только потому, что мне не хочет-

ся работать. А работать мне не придется до тех пор, пока я вместе с моим чудом, Страфой.

— Зачем? И в чем именно?

Поднапрягшись, Метательница Теней ткнула пальцем в Хаузера.

— Начали появляться признаки подготовки к Турниру мечей, — мрачно произнес Хаузер. — У всех нас есть кто-то, кого наверняка призовут в игру.

Я понятия не имел, о чем он толкует. Страфа тоже.

— Что такое Турнир мечей? — спросила она.

Необходимость объяснять мгновенно вызвала у Хаузера раздражение, которое трансформировалось в удовлетворенность тем фактом, что об этом турнире не знали даже члены высшего магического общества.

— Каждые несколько поколений возникают неопределенный сверхъестественный процесс или сила, которые требуют состязания...

Он замолчал. Эмоции пробили броню хладнокровия. Хаузер пытался взять себя в руки.

Инициативу перехватил Барат.

— Суть в том, что для участия отбирают группу талантливых людей, обычно детей. Преимущественно из семей, занимающихся магией. Их согласия никто не спрашивает. Их просто призывают. Они должны сражаться, пока не останется только один. Этот последний получает приз — устройство, содержащее в себе всю объединенную мощь побежденных соперников. Когда турнир только появился, семейства так отчаянно стремились завладеть этим устройством, что все записывались в участники. Этот приз, это могущество, превращал победителя в мелкое божество.

4

Я переводил взгляд с одного лица на другое. Кажется, Альгарда не шутила. Кивенс издала звук, похожий на испуганное блеяние; вполне объяснимо, если все это было правдой.

— Без дураков, Гаррет. У этих двоих есть внуки, которых это может коснуться. Судя по всему, сын Книги, Федер, узнал новости вчера. Само собой, мы с мамой тревожимся за Кивенс.

— Вы меня запутали. Кто-то или что-то выбирает детей... и непременно с Холма? И у них нет права голоса?

— Практически всегда это члены главных семей. Но некоторые из них прекратили свое существование, не в последнюю очередь благодаря турнирам, поэтому к делу также привлекают выдающихся представителей иных кругов. Или, хуже того, вызов может прийти сразу нескольким членам одного семейства.

Жестоко.

— Ясно. Детишки сливок общества. И они должны убивать друг друга, пока не останется только один.

— Именно.

— Вот напасть. Как? Зачем? И почему целый мир ни черта не знает, если это происходит постоянно?

— Как можно заставить их драться? Если они не хотят? — спросила Страфа.

— Это важный вопрос, — согласился я.

— У них нет выбора. Допустим, ты пацифист и отказываешься участвовать. Кто-нибудь просто перережет тебе горло, раз уж ты подставился.

— Иными словами, это расширенная формализованная игровая версия того, что ежедневно творится в правящей верхушке.

Представители упомянутой верхушки одарили меня недобрыми взглядами.

— Кто-то обязательно станет сражаться, за приз или за свою жизнь, — сказал Барат. — Кто-то попытается выиграть, чтобы обрести власть и покончить с турнирами раз и навсегда. В любом случае погибнут молодые люди, и некоторые из них — ужасным образом. Не все жертвы обязательно будут напрямую вовлечены в состязание. Сопутствующие потери тоже велики.

— Но общественность обычно ничего не замечает.

— Большая часть событий разворачивается не на публике. Это не гладиаторские бои, не рукопашные состязания. Это тайная война, которая по самой своей природе не может не влиять на общество. Будут трупы и локальные катастрофы. Необъяснимые магические стычки в ночи, зачастую фатальные.

Для Танфера такое не являлось редкостью — до недавних пор. В последнее время город страдал от мучительных приступов нарождающихся законности и порядка.

— Если поискать, можно найти свидетельства в исторических хрониках, — продолжил Барат. — Глубоко копать не придется. Мы обеспечим тебе выгодное преимущество, позволив побеседовать с несколькими участниками последнего турнира.

Он протянул руку, показывая на Хаузера, Махткесс и свою мать.

— Мой отец вел журнал, записывая свои действия, а также действия двух своих компаньонов, — сообщил Киога.

— Но...

— Участвовали семьи, — продолжил Хаузер, — и все сведения передавались из уст в уста. Мы отказались играть по старым правилам. Мы устраивали саботажи и подрывали турнир. Мы атаковали демона-распорядителя вместо наших друзей. И думали, что навсегда покончили с этим.

— Мы ошибались, — сказала леди Тара Чейн.

— Вы все? — уточнил я. Киога был ровесником Барата.

— Нет. Мейнесс Б. Сторнс, — ответил Хаузер.

— Я сказал, мой отец. Я тогда еще носил подгузники, — объяснил Киога.

— Пятеро из нас восстало, — добавил Хаузер. — Десять лет спустя Мейнесс исчез в Кантарде.

Ладно. Я снова оглядел их. Рано или поздно они объяснят, какое отношение к этому имею я. Надеюсь, что пораньше — я испытывал голод. Глаза Страфы пожелтели от нетерпения. А Кивенс начинала нервничать.

— Мы расстроили последнюю игру, потому что наши бабушки и дедушки подорвали предыдущий турнир. Наш тоже пошел не по плану, хотя мы так и не выяснили, в чем была причина. Все причастные к нему лица погибли, прежде чем смогли что-либо объяснить. Однако некоторые из нас оказались достаточно взрослыми, чтобы понять, и в достаточной степени друзьями, чтобы не желать убивать друг друга ради чего-то, во что мы сами не верили.

— Всего состоялось шесть турниров, и ни один не соответствовал изначальному замыслу, — сказала Тара Чейн. — Что-то всегда срывалось, но люди все равно погибали. В молодости мы думали, что все это — лишь развлечение для демонов. В отличие от Рихта, я уже не уверена, что вознаграждения не существует, однако все равно хочу покончить с этим безумием.

Хаузер не добавил себе очков, уточнив:

— В любом случае мы уже слишком стары для приза.

— Когда речь идет о твоих детях, все меняется, — сказала леди Махткесс. — А когда о самом тебе, ты не слишком тревожишься, потому что в молодости каждый уверен в своей неуязвимости.

— Сейчас мы хотим прекратить турнир, пока он еще не начался, раз и навсегда, — заявил Барат.

— Вынужден сообщить, что я смущен, — признался я. — И по-прежнему не могу понять, кто, что и почему.

— Но разве не этим вы занимаетесь, мистер Гаррет? — спросила леди Тара Чейн. — Ищите ответы? Мне говорили, вы лучший. — Вздернув бровь, она посмотрела на Метательницу Теней. — Констанция утверждает, что вы гений с непревзойденной сетью подозрительных связей. И что вы осмотрительней Гражданской стражи.

Бешеный мамонт осмотрительней этих парней.

Кто-то рассказывал сказки. Меня удивило, что этим занималась Метательница. Она редко демонстрировала что-либо, кроме презрения.

— Так и есть.

С некоторой натяжкой.

Две руки, вцепившиеся в мое левое предплечье, намекали, что в моих интересах меньше болтать и больше слушать — то есть применить навык, в оттачивании которого я за последние десятилетия не слишком преуспел.

— Мама верит, что на сей раз события будут развиваться иначе благодаря заметному влиянию тех, кто выжил в прошлом турнире, — сказал Барат.

— Э-э?

— В начале этого турнира Операторы могут попытаться избавиться от тех, кто помог расстроить турнир в прошлый раз.

Поворачиваясь слева направо, я по очереди ткнул пальцем в леди Тару Чейн, Хаузера и Метательницу Теней.

— Совершенно верно. От нас, — кивнул Хаузер. — Мы были слишком беспечны, позволив делу зайти слишком далеко. Думали, что все кончено. Или по крайней мере надеялись, что следующий турнир состоится после нашей смерти. Но честно говоря, кое-кто опасался, что рано или поздно придется встретиться с прошлым лицом к лицу.

— Этот день наступил, — провозгласила мадам Махткесс.

Угу, не высокомерие, а самоуверенность и недовольство тем, что некая внешняя сила посмела пытаться их использовать. Типичная черта обитателей Холма. Эти люди составились в атмосфере предательства.

— И что я должен делать со своими особыми талантами и выдающимися подозрительными связями? — Осторожно, нейтральным тоном. Страфа продолжала стискивать мою руку, посылая отчаянные сообщения. В некотором смысле ее восхищало, что мужчина, которого она выбрала не посоветовавшись со старшими, был допущен в сердце семейного заговора.

Метательница Теней разглядывала меня, словно перебирая в уме рецепты, как повкуснее приготовить лапочку Гаррета.

— Сначала мы должны обнаружить будущих участников, — сказал Барат. — Если удастся собрать их прежде, чем начнутся убийства, все чертово состязание развалится. И никто не умрет.